

АЛЛА
ХОЛОД

СЛУЧАЙНАЯ
ЖЕРТВА



ПСИХОЛОГИЯ  ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Психология преступления. Детективы Аллы Холод

Алла Холод

Случайная жертва

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холод А.

Случайная жертва / А. Холод — «Эксмо», 2023 — (Психология преступления. Детективы Аллы Холод)

ISBN 978-5-04-184227-7

День рождения Натальи, праздник, который начинался как яркое и красивое торжество, закончился настоящей трагедией – убили младшую сестру хозяина дома, Полину. Кому могла помешать чистая и наивная девушка, какие тайны хранила, что ее безжалостно расстреляли у ворот дома, когда она вышла выгулять собаку. Следователь Сергей Винник вместе со своей подругой-адвокатом Ксенией втягиваются в расследование, ведь Полина перед смертью надела чужую куртку, и ее могли убить по чудовищной ошибке... Алла Холод – профессиональный журналист. Драматические истории, положенные в основу сюжетов ее книг, придуманы, но далеко не фантастичны. Они о людях, живущих в современной России, не хороших и не плохих – сложных, раздираемых страстями, порой беспомощных перед обстоятельствами и поворотами судьбы, но неизменно ярких и сильных личностях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184227-7

© Холод А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алла Холод

Случайная жертва

© Холод А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Осень пришла как-то неожиданно. Пару дней назад еще светило холодное, но яркое октябрьское солнышко, в воздухе грустно, но вместе с тем упоительно пахло опавшими листьями, птицы носились как сумасшедшие. Но вчера небо сделалось свинцовым, стало сочиться унылым колючим дождем. Сегодня осень сделала следующий шаг в сторону неминуемой зимы – поднялся ветер, резко похолодало, дождь шел, не делая передышки.

Мне, в общем-то, это было на руку. Задача была сформулирована заранее. Мне нужно было выйти за калитку в строго определенный момент и укрыться в тени старого раскидистого дерева, встать в выбранное место, где ветки особенно густые и меня точно никому не будет видно, даже если присматриваться специально.

Но в такую погоду гуляющих ожидать не стоило, погода не располагала к тому, чтобы наслаждаться свежим воздухом.

Времени у меня было мало, задуманное следовало сделать очень быстро, чтобы не успеть промокнуть под дождем, не нужно, чтобы кто-нибудь потом вспомнил о том, что у меня были мокрые волосы. Мною, конечно, была придумана подстраховка, но все-таки... Береженого, как говорится, Бог бережет, хотя в данном случае кощунствовать, упоминая Господа, не стоит.

Встать пришлось не совсем там, где планировалось, потому что с веток прилично капало. Какое счастье, что мне в свое время пришло в голову купить очки ночного видения, без них в такую погоду мне пришлось бы нелегко.

Дыхание мое почти остановилось, взгляд был прикован к входной двери. Руки не дрожали, сердце билось гулко, но ровно.

Наконец дверь открылась и громко, звонко залаяла Пума. Она бесновалась перед калиткой, и, как только та открылась, собака рванула по тропинке: здесь никто не надевал на нее поводок, не было надобности. Пусть побеждает, пока за городом.

Вслед за Пумой из калитки выскользнула женская фигурка в розовой куртке с низко надвинутым на лоб капюшоном и в спортивных штанах типа лыжных. Ветки дерева заслонили от меня ее лицо, да мне и не хотелось его видеть. Только не сейчас. Мне даже показалось целесообразным на всякий случай сделать шаг назад, в сторону ствола, хотя на мне была черная одежда и различить мой силуэт и так было бы очень непросто.

Действовать нужно было быстро. Во-первых, в такую погоду долгой прогулки с собакой не будет. Пума, скорее всего, немного пробежится, сделает свои собачьи дела, и ее загонят домой. Во-вторых, никто не должен заметить моего отсутствия.

Женщина в розовой непромокаемой курточке не стала далеко отходить от калитки: мало приятного шлепать по лужам в темноте. Отпустив собаку, она встала ко мне спиной – как раз то, что нужно.

Мне оставалось только прицелиться и спустить курок. Целиться надо было в капюшон, чтобы никаких реанимаций, никакого тяжелого, но стабильного состояния и тому подобного. Только смерть. Верная и мгновенная. Каждая секунда промедления могла обрушить весь сценарий, и другого уже не будет, это мне было понятно. На еще один план у меня просто не хватит решимости.

Розовая курточка топталась на месте, ожидая, когда убежавшая собака снова появится в поле зрения.

Шаг вперед. Я достаю пистолет, подхожу максимально близко. Сжимаюсь как пружина, стискиваю губы.

Я стреляю. Розовая курточка падает на тропинку. Звук выстрела, смягченный глушителем, не говоря уже о дожде, слышен только мне.

Я не оглядываюсь, быстро шагаю по тропинке, ведущей к дому, но не захожу внутрь. В роще за домом мною облюбовано дерево с дуплом, я легко нахожу его с помощью очков ночного видения, поднимаю ногу и делаю решительный шаг по покатому стволу. Забрасываю пистолет в дупло, поднимаю с земли ворох мокрых прелых листьев, отправляю их вслед за отработавшим свое оружием. До поры до времени пистолет будет лежать там, а в дальнейшем я легко извлеку его оттуда.

Надо успеть войти в дом до того, как собака вернется с пробежки, и я не мешкаю. Открываю заднюю калитку и ныряю в темный двор. Еще несколько секунд, и я открываю дверь, так называемый черный ход, расположенный с противоположной стороны от главного. Я снимаю резиновые сапоги, такие же запачканные, как и другие пары на обувной полке, зная, что через несколько минут они высохнут и невозможно будет понять, какие именно сапоги намокли и испачкались позже, чем остальные. Дождевичок-накидка присоединяется к остальным, таким же. Их никто не отличает, все берут первый попавшийся, потому что они одинаковые. А вот то, в чем я обычно хожу, висит в шкафу сухое и абсолютно чистое.

Не снимая нитяных перчаток, я иду туда, где мне в данный момент и следовало бы находиться. И тут начинает громко и отчаянно лаять Пума.

Глава 1

– Аркадий сможет приехать только к вечеру, – сообщила Наташа, отложив телефон после разговора с братом, – у него важная встреча или мероприятие, я толком не поняла, которое он не может отменить, потому что все люди, которые в этом участвуют, слишком занятые и время согласовывалось заранее.

– Ну и в чем проблема? – пожал плечами Алексей. – Будет не обед, будет ужин. Не принципиально. Не забывай, что это пятница, пробки, на обед и так не стоило настраиваться.

– В общем и целом не принципиально, – согласилась жена, – просто мне как-то уже это виделось... Я думала, что гуся стоит есть днем, а не вечером, все-таки он жирный. После обеда мы бы погуляли или еще чем-то занялись, а вечером угостились бы чем-нибудь легеньким. Ну или десерт, торт там или еще что такое...

– А торт легенький для вечера, да? – хмыкнул муж. – Я вообще не думал, что ты захочешь торт, ты же ничего такого не ешь.

– Но другие-то едят!

– Ты всех специально опросила, что ли? Ты уверена, что все будут есть торт после жирного гуся? Что-то я сомневаюсь.

– Наверное, ты прав, – задумалась Наташа, – но теперь этот вопрос в любом случае отпадает. Гусь будет на ужин, без Аркаши застолье начинать не будем.

– А он точно приедет к ужину? Не получится так, что он задержится в Москве и наши гости будут ждать его до ночи? Это будет уже не день рождения, а черт-те что.

– Нет-нет! – Наташа жестом показала, что такой вариант полностью исключен. – Ты же знаешь, Аркаша четко планирует свое время, это самый пунктуальный человек из всех, кто мне встречался в этой жизни. Он уже рассчитал, сколько времени ему потребуется на работу и на дорогу. И потом он никогда не обещает того, что не сможет потом выполнить. Он сказал, что может приехать раньше, но позже – точно нет.

– А раньше – это в каком случае? Он предупредит заранее или ему это будет неудобно?

– Он сказал, что если кто-то из участников не сможет присутствовать, то мероприятие пройдет быстрее, чем планировалось, и тогда он сразу сядет в машину. А Аллу привезет к нему водитель, чтобы лишнее не накатывать по пятничной Москве.

– И он сообщит, когда будет выезжать из Москвы?

– Да, это он обещал.

– Что ж, тогда можно что-то планировать. Более или менее плюс-минус километр.

Наташа улыбнулась, поднялась из кресла, пошла к буфету.

– Налить тебе вина?

Алексей пожал плечами.

– Налей, хотя я предпочел бы глоток виски. Что ты решила с гостями? Давай определимся поточнее хотя бы с этим.

Наташа открыла дверцу бара, спрятанного в стильном секретере, задумалась, прежде чем что-то из него достать, потом резко повернулась к мужу.

– Мы же об этом говорили, – заявила она, – с тех пор ничего не изменилось. Никаких шумных вечеринок, только Аркаша с Аллой, твоя Польша, которая уже предупредила, что приедет с женихом, Роберт с женой. Пожалуй, все.

– Ты без Роберта дня прожить не можешь, ей-богу, – съехидничал Алексей, – неужели он тебе на работе не надоел? Или такие красавчики никогда не надоедают?

– Если бы я его воспринимала как ненадоедающего красавчика, я бы не приглашала его на семейный праздник, да еще и с женой. – Наташа легонько щелкнула мужа по носу и протянула

ему стакан с виски. – А ты такой ревнивец, как я балерина. Не твой стиль. Не умеешь ревновать, не берись.

– Ладно, я сначала потренируюсь, – пообещал муж.

Несколько минут они в полном молчании пили каждый свой напиток, Наташа первой прервала паузу.

– Может, ты хочешь кого-нибудь пригласить? Ну, кроме Польки.

– Это же не мой день рождения, а твой.

– Ну и что? Мне же хочется, чтобы не только я, но и все были довольны и приятно провели время. Что такого странного я предложила?

Алексей пожал плечами.

– Ничего, вроде бы ничего. Спасибо. Но гостевых спален у нас только три, как раз по числу приглашенных. Где размещать еще кого-то, я не знаю. Да и стоит ли? Тот, кого разместишь не в спальне, может обидеться. Мало ли... Мне вообще-то моей семьи для хорошей компании вполне достаточно.

– Да, ты прав. Но если вдруг захочешь кого-то пригласить, я заранее не против.

Остаток вечера прошел в обсуждении, что все-таки будет главным блюдом – гусь с яблоками или фаршированная рыба. Закуски и всевозможные перекусы решили заказать, ибо готовить самим для большой компании было бы слишком утомительно. У супругов Долгих была давно облюбованная точка японской кухни с обширным меню, а также изумительный ресторанчик, практикующий работу навынос, где хорошо готовили изысканные паштеты и горячие закуски.

Однако главное блюдо на дни рождения, Новый год или другой какой-то праздник, по случаю которого семье удавалось собраться в полном составе, Алексей всегда делал сам. Зимой это был гусь, осенью, на день рождения Наташи, – фаршированная рыба, рецепт которой он почерпнул у своих одесских родственников.

Обычно Наташа не устраивала пышных праздников в день рождения, брат в силу своей исключительной занятости день в день приезжал редко, с сотрудниками она праздновала на работе. Пара приятелей, интимный ужин в ресторане или городской квартире – так они отмечали обычно.

Сорокалетие – другое дело. С рыбой возиться было долго и очень утомительно, но Алексей не жаловался – рыбы после гостей, как правило, оставалось достаточно, чтобы насладиться этим исключительным блюдом еще день, а то и два. Было ради чего кочевряжиться на кухне.

В Одессе это блюдо готовили из трех сортов речной рыбы: обычно из сазана, карпа (или щуки) и судака. Рыбу следовало не только очистить от чешуи, но и аккуратно снять с нее кожицу. Отделить мясо от костей и пару раз прокрутить, чтобы фарш был совершенно однородным. Потом нужно было почистить и порезать лук, шелуху потушить в казане, сам лук прокрутить и добавить к рыбе. Из готового фарша формировались котлетки, каждую из которых необходимо было обернуть полоской рыбьей кожицы. Потом вся эта красота тушилась в казане, где до того пребывала луковая шелуха, которая придавала котлеткам особый аромат и оттенок.

В общем, хлопот с готовкой было много, но у блюда был такой божественный вкус, что периодически Алексей все-таки утруждался. Аркадий, собираясь к ним в гости, частенько намекал: рыба, мол, будет? И для Наташи это блюдо было самым желанным подарком.

Однако сейчас Алексей сомневался: все-таки готовить придется на большую компанию, он так убоется за день с этой рыбой, что за ужином просто упадет под стол от усталости. Потому он и предложил приготовить гусей, это все-таки попроще. Наташа согласилась, но видно было, что у нее испортилось настроение.

Алексей сначала вздохнул с облегчением, но потом, по мере обсуждения деталей праздника, стал задумываться. Наташе так хотелось побаловать и себя, и любимого брата, что когда встал вопрос о гусе, все остальное ей сделалось безразлично. Алексей понял, что она расстроилась, это было видно.

В день сорокалетия жену огорчать не хотелось, тем более что она успела наобещать брату фирменное блюдо, которым тот восхищался всякий раз, когда отмечали какой-то праздник вместе и когда Алексей снисходил до приготовления своей исключительной рыбы.

Получалось, надо соглашаться на рыбу, но искать помощника. Кто-то должен был сделать заготовку, черную работу: отделить рыбу от костей, прокрутить фарш, почистить лук.

Грузить этой работой свою младшую сестренку Польшу ему бы и в голову не пришло: ребенок приедет на уик-энд отдохнуть, а не стоять на кухне.

Пришлось среди недели смотаться в поселок, где находится загородный дом, навеститься в местный ресторан и нанять женщину-повара, которая за хороший гонорар с удовольствием согласилась проделать необходимую работу.

В общем, к четвергу огромное количество рыбы и мяса для шашлыков было загружено в микроавтобус, вина и другие напитки закуплены, закуски заказаны. Все шло по плану.

Наташа любила праздновать, строго попадая в дату, потом она уже не чувствовала себя героиней дня, ощущение торжества уходило. На этот раз день рождения пришелся на пятницу, и это было отличной возможностью сначала принять поздравления от коллег, а потом наслаждаться ужином в кругу семьи. И впереди еще оставалась долгая суббота, которую вся компания должна была провести в загородной праздности: за прогулками, игрой в карты и шашлыками.

Погода, правда, неожиданно испортилась, и прогулки оказались под угрозой, но в доме при уютно потрескивающем камине тоже приятно было провести время.

Как обычно в свой день рождения, Наташа проснулась поздно, в половине десятого. Алексея дома уже не было, он встал ни свет ни заря и отправился хлопотать, оставив на столе в кухне огромный букет белых роз. Лабрадора Пуму забрал с собой.

Интересно, какой подарок он приготовил, думала Наташа, пока кофемашина готовила ей первую чашку капучино.

Именинница приняла душ и к десяти была готова к приходу Инночки – визажиста, услугами которой пользовалась уже много лет. Наташе нравилось, что Инночка работает быстро и никогда не мелет чушь.

И сейчас укладка не заняла много времени, а в макияже Наташа всегда проявляла сдержанность, если не сказать минимализм. Никаких накладных ресниц, килограммов тонального крема, ярких теней и жутких бровей. Наконец-то вся эта грубая вульгарщина вышла из моды, теперь можно быть собой, не отступать от своих традиций и при этом быть в тренде.

К двенадцати Наталья Борисовна Долгих отправилась на работу. Она знала, что ее ждут букеты, подарки и радостные лица коллег. К полудню доставят сеты из ее любимого суши-бара: с угрем, креветками, кальмарами, авокадо, лососем, икрой – всегда свежайшие и разнообразные. Вино уже охладилось, Наташа предвкушала праздник каждой своей молекулой. Боже, как она любила свою работу!

Наташа – эндокринолог, хороший эндокринолог. Закончив медицинский вуз, пройдя ординатуру, она готовила себя к работе в больнице, мечтала написать диссертацию и когда-нибудь возглавить отделение.

Вышло все не так, вышло гораздо лучше. Аркаша, уезжая в Москву, звал младшую сестру с собой, но Наташа, трусиха, не решилась. Кто-то должен был оставаться с родителями, которые тогда еще были живы, кто-то должен был становиться им опорой. И вообще...

Ей было страшно, она боялась не соответствовать, стеснялась своей провинциальной нерешительности, считала, что Москве нужны другие качества. Аркаша был ими наделен, Наташа – нет.

Работать в больнице оказалось не так уж и радужно, в начале ее карьеры медикам платили совсем мало, ехать до работы было далеко, отделение отчаянно нуждалось в ремонте.

Жизнь стала меняться, когда у Аркадия наметился резкий скачок в карьере. Он поднимался быстро и уверенно, каждая следующая должность была перспективнее и круче прежней. Он попал в свою струю. Стал опять звать сестренку в столицу, но Наташа все никак не могла решиться. Аркаша в конце концов плюнул на уговоры и стал «управлять семьей дистанционно».

Сначала он помог ей открыть свою практику – совсем крошечный консультационный кабинет. Сам решал, какие в нем будут цены, чтобы не отпугнуть, а привлечь потенциальных клиентов. Потом стал расширять возможности – поселил Наташу в хорошее помещение, купил диагностическое оборудование: несколько аппаратов УЗИ, прибор для определения степени диабетической полинейропатии, расширил штат, затем дело дошло до собственной лаборатории, где можно было сдать необходимые анализы.

За десять лет врачебный кабинет превратился в маленькую, но имеющую хорошие отзывы клинику «Гиппократ», специализирующуюся на лечении диабета.

Наташа активно участвовала в областной программе «Живи долго», ее врачи и медсестры выезжали в парки и торговые центры – туда, где проводились бесплатные медицинские скрининги. Они помогали людям и заодно зарабатывали отличную репутацию, делали себе великолепную рекламу. «Гиппократ» участвовал во всех программах борьбы с диабетом, в ежегодный день борьбы с диабетом «Гиппократ» проводил бесплатный прием граждан, многие из которых потом становились их верными клиентами.

Недавно Наташа поняла, что вполне созрела для собственной программы, идею которой предложил ее новый заместитель Роберт Николаевич Крайнович. Его, кстати, тоже где-то откопал Аркадий и предложил Наташе попробовать с ним поработать, так как о нем отзывались как о хорошем менеджере от медицины.

Наташа попробовала и не пожалела. Роберт умел заинтересовать публику, внедрял разные интересные подходы в раскрутку учреждения, дружил с журналистами, лечил нужных людей, которые выражали готовность помочь в любых вопросах. Словом, он был человеком дела.

В последнее время Аркаша опять заговаривал о том, чтобы продать бизнес или оставить его на Роберта, а самой Наташе переехать в Москву, но она опять мялась, сомневалась и отнекивалась, но теперь уже по совсем другой причине.

Недавно «Гиппократ» не без помощи Аркадия приобрел этаж в суперсовременном жилом комплексе в центре города. Выглядел он респектабельно: дорогие двери, со вкусом отделанный фасад, ухоженные туи перед окнами. Роберт ввел систему абонементов, и постоянные клиенты с невысокими доходами имели существенные скидки, в тех, кто мог платить по полной программе, тоже недостатка не было. Здесь не заставляли пациентов делать ненужные анализы и дорогостоящую диагностику, чтобы только выманить из них как можно больше денег, и люди понимали это и ценили. Здесь не пытались никого обмануть и развести, поэтому хорошая репутация за клиникой закрепилась и становилась все более незыблемой с каждым днем. В преискурант не включались интерьеры и фикусы в кадках, пациенты платили только за диагностику и конкретную врачебную помощь. Наташа продолжала участвовать в медицинской благотворительности: проводила бесплатную диагностику, консультационные приемы. Траты на эти мероприятия оказывались несопоставимы с эффектом: все больше диабетиков узнавали о клинике и ее добром имени, все большее число пациентов приходило за помощью в «Гиппократ». Каждый пациент был отцифрован, и никому не приходилось сидеть в очередях, их попросту не было.

Никому на свете Наташа не призналась бы, но себе она давала отчет в том, что больше всего любит не свою работу как призвание и не пациентов, не сам процесс борьбы с болезнью,

не осознание того, что она помогает людям. Это было важно и нужно, это составляло смысл работы, но не доставляло наслаждения.

А само удовольствие Наташа начинала получать в тот момент, когда приближалась к офису и получала удовлетворение от его внешнего вида. Отделка – кирпичик к кирпичику – завораживала ее. Туи служили олицетворением респектабельности и комфорта. Она открывала дверь и, входя в помещение, вместе с приятным запахом ощущала покой и умиротворение.

Те же самые чувства должны были испытывать и ее пациенты, в этом она была уверена. В просторном холле, где располагался ресеп-шен (то бишь регистратура), было светло, в центре зала царственно лежал дорогой ковер, на стене громко тикали огромные ходики, в кадрах дышали здоровьем и свежестью трехствольная драцена, огромный фикус «Наташа» (подарок на ее очередной день рождения). На столе администратора всегда стояла свежая орхидея. Помещение разделялось на две части: в одной располагались кабинет приема анализов, лабораторный зал, каморки с диагностическими приборами, дальше шли врачебные кабинеты и бухгалтерия, она же отдел кадров. Другая часть была маленькой, и в ней находились небольшая комната для совещаний, просторный офис руководителя и небольшой – заместителя.

Наташа обожала свой кабинет. В нем было все, о чем в молодости она даже не мечтала: большой дорогой стол, удобное кресло, два шкафа для бумаг и элегантный уголок для бесед – кожаный диван, два кресла и стеклянный столик, в центре которого стояла неизменная вазочка из муранского стекла с засушенными цветами. Спокойные светлые обои украшали две абстрактные картины.

Наташе здесь было хорошо. Так хорошо, что со временем она перестала хотеть уходить отсюда. Не из-за кресел, конечно, но факт есть факт. Ей тут нравилось. Ей было уютно, здесь она жила полной жизнью. Это ощущение полного покоя, уюта и комфорта она и любила больше всего. И если бы не Аркадий, не его потрясающие, почти неограниченные возможности, ничего этого в ее жизни не было бы. Так же, как и в жизни Алексея не было бы даже намек на тот уровень, которым он обязан ее брату.

Леша хороший человек, но он не из тех, кто добивается настоящего успеха. Не фартовый он. Не ловкий, не изобретательный, что ли. И решительностью он не обладает. Если бы Аркадий не обеспечил ему источник в виде госзаказов, так бы и валандался Леша где-то в предпоследнем вагоне всю жизнь.

К дню сорокалетия своей начальницы сотрудники «Гиппократы» подготовились основательно. Смонтировали поздравительный видеоролик, сочинили довольно остроумные стихи, купили новый маленький фикус «Наташа», к которому тоже прилагалась поэзия, и здорово угадали с подарком. На сорокалетие сотрудники подарили Наталье Борисовне картину – морской пейзаж, волнующий, прекрасно написанный. Узнав подпись своего любимого местного художника, Наташа даже слегка покраснела: так приятно ей было получить этот подарок.

Настроение было прекрасным, даже несмотря на то, что погода портилась: по небу стремительно побежали черные рваные тучи, периодически на пешеходов набрасывался злющий ветер, дождь грозился набрать силу, но все никак не решался: небрежно швырял холодные капли и снова уносился, гонимый куда-то потоками воздуха.

Наташа вышла на улицу, но к машине не спешила, ожидая, когда за ней последует Роберт. Наконец дверь открылась и ее заместитель выглянул на улицу.

– Ты еще не уехала? Во сколько мы должны быть на месте? Часикам к пяти? Раньше, наверное, и смысла нет, погода портится.

– Надеюсь, испортится только погода, но не наше настроение, – ответила Наташа, – неужели мы не найдем чем заняться в осенний вечер? Поиграем в карты или в дартс, выпьем, можем потанцевать. Так что не припоздняйтесь.

– Окей, я вообще-то сегодня планировал пораньше освободиться, так что долго ждать меня не придется.

– Небольшая поправка: не тебя. Вас с женой, – вставила Наташа.

– Не начинай, ладно? Не сейчас.

Наташа ничего не ответила, махнула пальчиками и пошла к машине. Пора было ехать, пока не начались пятничные пробки, которые Наташу, как и всякого нормального человека, очень сильно угнетали.

День был пасмурный, поэтому Леша рано зажег свет в доме. Пока Наташа шла от калитки через двор, успела разглядеть, что свет на полную катушку горит только в кухне, где уже готовится волшебная фаршированная рыба, а гостиная лишь слегка подсвечена торшерами. В одной из гостевых спален на втором этаже угадывается свет настольной лампы, пробивающийся из-за штор. Польша уже приехала, ее аккуратненькая красная «Мазда» стояла перед воротами калитки, видно, девочка приехала недавно, еще не успела поставить машину в гараж. Впрочем, гараж не был рассчитан на большое количество машин, так что сегодня все равно кому-то нужно будет ночевать под открытым небом. Наташа не видела в этом большой проблемы для себя. Главное, что тут было достаточно территории для парковки и за сохранность автомобиля переживать не приходилось, место тихое и спокойное.

Дождь прекратился, Наташа с наслаждением вдохнула вкусный, влажный, пахнущий хвоей воздух и пошла к дому.

Ей ужасно нравилось украдкой заглядывать в окна: и в чужие, и, что самое смешное – в свои собственные. И сейчас она не удержалась от того, чтобы хоть на мгновение доставить себе удовольствие и посмотреть, как ее жилище выглядит, если смотреть на него снаружи.

Шторы не были задернуты, в гостиной царил уютный полумрак. Польша, устроившись в кресле с ногами, читала книжку под светом торшера, на столике перед ней стояла большая чашка чая, из которой еще поднимался пар, и маленькая бутылочка ликера «Егермайстер» с рюмочкой, которую Поля уже ополовинила.

Картина была настолько мирной и благостной, что Наташа невольно залюбовалась. Боттичеллиевская рыжинка в Полькиных волосах, завитки мягких волос, ее прелестные веснушки...

Если она, Наташа, примет решение, пожалуй, ей будет не хватать этой девочки – такой настоящей, искренней, такой нежной. Друзьями остаться не получится. Да много чего ей будет не хватать, но сейчас не время думать об этом.

Наташа встряхнулась и решительно направилась к входной двери, из-за которой уже слышался радостный лай Пумы, почувствовавшей приближение хозяйки.

Приход Наташи распознала не только Пума, которая уже отчаянно скребла дверь, но и Леша – он открыл еще до того, как Наташа всунула ключ в замочную скважину. На нем был кухонный фартук, он что-то жевал.

– С днем рождения, жена, – сказал он, что-то проглатывая, – идем, буду тебя поздравлять.

Наташа согласно кивнула.

– Не знаю, понравится ли тебе это, но все-таки надеюсь...

Наташа практически не носила ювелирных украшений и никогда сама себе их не покупала. Она любила дорогую бижутерию или жемчуг. Но когда Алексей открыл коробочку, Наташа ахнула: на черном бархате посверкивал комплект из белого золота с бриллиантами – небольшими, но чистыми и сияющими, очень оригинального дизайна.

– Какая прелесть, – искренне произнесла она, думая о том, что даже зануда-муж иногда способен проявить фантазию.

Наташа поцеловала его в щеку.

– Боже, ты весь пропах рыбой, – отстранилась она, – надеюсь, ты примешь душ перед ужином.

– Так ведь для тебя стараюсь, – обиженно заметил Алексей, – твой заказ выполняю, если что. Правда воняет?

– Да я шучу, – улыбнулась Наташа, – но в душ перед ужином все-таки сходи, кулинар.

Со второго этажа спустился Польшкин жених, симпатичный мальчик по имени Роман, и они тоже вручили Наташе свой подарок – авторскую напольную вазу. Ближе к пяти приехали Роберт с женой Еленой, вручили Наташе красивый серебряный браслет, слегка массивный, на Наташин взгляд. Вообще-то она любила заметные украшения, и браслеты тоже, хотя носила их нечасто – они мешали ей на руке. На этом браслете имелась подвеска – серебряная пузатая кошка с изумрудными глазами.

Наташа украдкой взглянула на Роберта, поняла, что изделие выбирал он, и сразу же решила, что будет с удовольствием его носить.

Роберт был неописуемо хорош со своей гривой непокорных, вьющихся смоляных волос и едва прорастающей небритостью. Он снял куртку, под которой были легкий замшевый пиджак и лиловая водолазка, которая очень ему шла.

Перед встречей с Еленой Наташа заметно волновалась, даже ладони вспотели. Они никогда раньше воочию не встречались. В «Гиппократе» не было принято приводить жен-мужей на корпоративные праздники, потому что они были очень камерными и проводились исключительно днем, без помпы. А вот пригласить своего зама на юбилей, да еще и с ночевкой без жены уже никак нельзя, это будет вызов. И Наташа не была уверена, что его примет сам Роберт. Не говоря уже о том, что такой вызов был бы принят его женой.

Елена оказалась хрупкой и невысокой, со светлыми волнистыми волосами до плеч. В ней не было ничего особенного, просто молодая изящная женщина без особых примет, одетая в строгий брючный костюм. Только топик под костюмом был вечерний – кружевной, расшитый бисером.

Наташа чуть не задохнулась от нахлынувших на нее чувств. И вот эта мышка имеет неограниченную власть над таким мужчиной, как Роберт? Он – суперпрофессионал, эрудит, душа компании, писанный красавец, он излучает энергию, которой хватит, чтобы озарить светом целый город! И место рядом с ним занимает вот эта бледная, анемичная крошка?

Наташа присмотрелась к ней повнимательнее. Да, пожалуй, мила. Прозрачное, фарфоровое лицо с голубыми глазами и мелкозатыми, на взгляд Наташи, чертами. Хорошо сложена. Но она мышка, маленькая хорошенькая мышка, не более.

Наташа готовила себя к встрече с роковой красоткой, с женщиной-вамп, но никак не с этой птичкой-тари в черном брючном костюме. Костюм, правда, был дорогой, но Наташа ожидала увидеть красоту в шелках и с голыми плечами. Ошиблась.

Наташа встретила с Еленой взглядом, и ей показалось, что в глазах Робертовой жены она уловила усмешку. Может ли такое быть? Или все-таки померещилось?

Провожая гостей в их комнату, Наташа уловила изысканный запах «Герлена», исходящий от Елены, отметила легкость ее походки и, увы, не смогла пропустить мимо внимания нежные соприкосновения рук супругов, которые производили впечатление очень счастливой и любящей пары.

Настроение начинало портиться, но Наташа не дала волю неприятным ощущениям, вспомнив кое-что, о чем птичка-тари, видимо, и не догадывалась.

К себе и к своей внешности Наташа относилась объективно – так она, во всяком случае, считала. Да, ей уже сорок, но это не плохо и не хорошо. Это просто жизнь. Она не девочка, но и до старухи ей далеко. Наташа думала, что и будучи старухой не станет делать из возраста трагедии: просто в ее жизни изменятся ориентиры, то, что сейчас важно, окажется необязательным, но откроется и нечто, недоступное ее сегодняшнему мировосприятию.

Каждый возраст имеет свои преимущества, она была уверена в этом. Период активной женской жизни скоро закончится, и ей не хотелось терять ни одной минуты, ни одного мгновения, хотелось напоследок впитать все ощущения, которые через некоторое время останутся лишь в воспоминаниях. И ничто не должно ей мешать. Птички-тари уж точно.

Вообще-то Наташа недурна собой. Она тоже невысокая, но у нее выразительная фигура, чистая и гладкая кожа, прямой тонкий носик, чувственные губы, не нуждающиеся во вмешательстве хирурга. Может быть, она и не красавица, но все считают ее очень хорошенькой. Чего стоят одни только трогательные ямочки у нее на щеках! Нет, бледная маленькая Леночка ей не конкурент.

Ближе к шести наконец у калитки посигналил Аркашин «Мерседес», и Наташа со всех ног бросилась встречать брата. Пума бесновалась и оглашала дом звонким лаем. Она обожала выезды за город, потому что там было где порезвиться и там она не оставалась в одиночестве на время рабочего дня. И еще Пума любила гостей: все ее развлекали, играли с ней, гладили, никто не ссорился и не молчал подолгу. Раз в доме гости, значит, будет что-то особенно вкусное, что не дают каждый день. И каждый будет баловать ее и угощать втайне от хозяев. И гулять поведут не как обычно, а основательно, только бы не было дождя. Пума умела быть ласковой, и за это ее вознаграждали – все хотели с ней пройтись.

– Пума, осторожно! – воскликнула Алла, когда собака на радостях поставила мощные лапы ей на плечи. – Ты испортишь мне одежду.

Алла старалась говорить строго, но надолго ее не хватило: Пуму все любили. Пума отвечала взаимностью всем, и когда Алла наклонилась, чтобы потрепать собаку за ушком, она была мгновенно облизана.

– Ты решила начать с уничтожения моего макияжа, мерзкая собачонка? – Алла схватила Пуму за мощную шею и прижала к себе: – Как же я по тебе соскучилась!

Аркаша и его молодая жена ворвались в дом, как всегда, вихрем, заряжая всех вокруг своей мощной энергетикой. Высокий, крупный Аркадий и миниатюрная Аллочка каким-то странным образом были настолько гармоничны вместе, что даже трудно было представить их порознь.

Алла была второй женой Аркадия, с первой, приобретенной еще в студенчестве, у него не заладилось, потом были другие романы, но они не оформлялись официально. Аллочка внесла в его жизнь энергию и вдохновение. После развода он некоторое время был полностью погружен в работу: делал карьеру, достигал больших высот. Ему были по карману и длинноногие модели, и юные силиконовые дурочки, но ни одна из них не появилась рядом с ним. Появилась Аллочка – живая, улыбчивая, яркая брюнетка с непокорными, выющимися волосами и ладной фигуркой. Аркадий познакомился с ней в Таиланде, где Аллочка работала гидом в крупной туристической компании. Она хорошо говорила по-английски и по-французски, была очень активна физически, Аркашу она очаровала во время поездки на райский остров Ранг-Яй, где он возблагодарил Бога за то, что не взял с собой в Таиланд никакую случайную подружку, а поехал один, чтобы немного отдохнуть от людей, подумать и побыть в одиночестве.

В Москву они вернулись вместе и с тех пор уже не расставались. Казалось, что Аллочка совершенно не способна относиться плохо хоть к кому-то, разве только к врагам Аркадия, о которых она, слава богу, знала только понаслышке.

– Наташка, мне немедленно нужно выпить, – заявил Аркадий с порога, – я так устал от этого сидения в машине, хочу пить и жрать.

Только после этого он обнял сестру, нежно поцеловал в щеку.

– Подожди минутку, я принесу, – засуетилась Наташа, – Пума, оставь в покое Аллочку!

Пока Алла разувалась и обнималась с собакой, Наташа достала из бара посуду и бутылку виски.

– Привет, именинница! – воскликнула она, входя в гостиную. – Какая ты красотка!

Аллочка приняла из рук Наташи пузатый стакан, подождала, пока родственница нальет Аркадию и Леше, который уже прискакал из кухни и даже успел обнять гостей.

Все чокнулись. Аркадий выпил налитое залпом и немедленно потребовал:

– Почему экономишь на брате? Еще хочу, я устал.

Наташа немедленно выполнила указание.

В это время Аллочка выразительно переглянулась с мужем и после его кивка на несколько секунд исчезла и появилась в комнате с большим фирменным пакетом.

– В нынешних условиях такое достать невероятно сложно, так что оцени усилия, сестричка, – сказал Аркадий в то время, когда Аллочка вытряхнула из пакета нечто, заворожившее Наташу еще до того, как она успела понять, что перед ней настоящая «блекглама» – черная норка высочайшего качества.

Не в силах выдохнуть Наташа схватила шубу и сунула руки в рукава. Изделие сидело на ней идеально! Боже, как она была восхитительна! Шелковистый мех иссиня-черного цвета переливался, был легким и воздушным. Это был шик в его самом изумительном, самом великолепном проявлении. Особенно сейчас, когда такие вещи купить в России стало невозможно, а за ее пределы многие, в том числе и семья Долгих, попросту перестали выезжать.

После благодарных поцелуев и восторженных всхлипов все выпили за роскошный пода-рок и здоровье именинницы.

– Слушайте, я не знаю, как вы все распланировали, но я жрать хочу так, что сейчас упаду в обморок, – предупредил Аркадий.

– Леш, когда мы можем сесть за стол? – засуетилась Наташа.

– Первая партия рыбы готова, – пожал плечами Алексей, – можем приступить хоть сейчас. А вторая партия будет пока тушиться.

– Все-таки будет рыба? – воскликнул Аркаша. – Тогда я требую немедленной подачи блюд!

– Окей, мы не дадим тебе умереть с голоду, – заверил его Леша, – приборы уже на столе, надо только всех созвать. Ужин будет через пятнадцать минут.

Решили пока немного выпить. Аллочка что-то щебетала, Елена играла с Пумой, Роберт разглядывал многочисленные трофеи, которые супруги Долгих привозили из разных стран.

Его особое внимание привлекли картины в стиле «гаитянский наив», которые приехали из Доминиканы, его жене они, похоже, тоже понравились. На каминной полке, в специальной инкрустированной подставке стоял нож, лезвие которого было все изрезано какими-то символами, и Роберт все не мог добиться у Наташи, чтобы она вспомнила, откуда его привезли. Даже Алексей, вернувшийся из кухни, не мог сразу вспомнить его происхождение.

В итоге в столовой все собрались только через полчаса. Аркадий облегченно вздохнул: ну наконец-то его покормят.

Ужин не обманул его ожиданий. Паштет из утиной печени оказался нежным и натуральным, баклажановые рулеты – пикантными, овощи – свежими, суши и роллы стояли на отдельном стеклянном столике, но разбирались медленно, ибо все ждали главное, поистине царское угощение в виде фирменной рыбы. И она никого не разочаровала, получилась замечательно хорошо. Нежная, тающая во рту, удивительно вкусная – ее разбирали практически мгновенно. Надо было закладывать в казаны новую партию.

Когда первая часть ужина была закончена, решили сделать перерыв. Рома, Польшин жених, решил устроить фотосессию, пока все еще находятся в презентабельном виде, и гости, и хозяева с удовольствием фотографировались на фоне уютно потрескивающего камина в обнимку с собакой, перед великолепными напольными ходиками, которыми очень гордились хозяева дома. Можно было выпить по рюмке, послушать музыку, поболтать, потанцевать.

Пума, которой дождь несколько не мешал отправлять свои собачьи надобности, настаивала на прогулке. Она принесла в столовую свой поводок, положила его на пол и громко тявкнула. Пума любила, когда ее выводил погулять кто-нибудь из гостей, потому что их можно не слушаться, устанавливая свои, собачьи, правила прогулки. Но на зов лабрадора откликнулась Наташа.

– Сейчас пойдем, птичка моя, – сказала она, обращаясь к Пуме, – еще одна рюмочка текилы, прежде чем идти на холод, и вперед!

Пума недоверчиво рыкнула и застыла в ожидании, не отводя от Наташи влажных глаз.

– Леша, плесни мне немного текилки, и я пойду с Пумой, – обратилась Наташа к мужу.

– Роберт плеснет, мне на кухню надо, – отозвался Алексей.

Пума почувствовала ослабление интереса к своей персоне и недовольно заворчала.

– Собачка, не брюзжи, давай я схожу с тобой, – предложила Аллочка и подошла к Пуме, которая сразу же вскочила с места и завиляла хвостом.

– Очень красивая собака, – тихонько произнесла Елена, которой тоже хотелось погладить светлую шелковую шерстку, – вообще лабрадор – моя любимая порода. Мне тоже очень хотелось бы такую собаку.

– С ней надо гулять, дорогуша, – вставил Роберт, – причем в любую погоду.

– По-моему, это не только обязанность, но и удовольствие, – ответила Лена.

– Вот и погуляй с ней в дождь, прежде чем задумываться о собственной собаке, – предложил муж.

– Запросто, если она не будет возражать, – сказала Лена, нежно глядя собаке в глаза.

Пуме окончательно перестало нравиться, какой оборот принимает дело. Все ее хвалили и норовили погладить по голове, но никто до сих пор не удосужился взять поводок и надеть куртку. В конце концов, обиженная до глубины души собака взяла поводок в зубы и отправилась с ним в прихожую, откуда тут же донесся ее возмущенный лай.

В считанные минуты столовая опустела. Рома пролил на себя бокал красного вина и побегал в свою комнату менять штаны. Аркадию позвонил кто-то очень важный, и он тоже ушел к себе, чтобы спокойно побеседовать. Алексей скрылся на кухне. Роберт изъявил желание осмотреть библиотеку. Женщины, оставшись на какое-то время без сильного пола, тоже нашли себе каждая свое занятие, самым интересным из которых было разглядывание и примерка подарков.

Когда через некоторое время с улицы донесся взволнованный собачий лай с подвыванием, никто не насторожился. Мало ли кого в жухлой осенней траве узрела любопытная лабрадориха.

Потом в дверь громко постучали, и это уже было странно: неужели тот, кто гулял с Пумой, закрыл дверь на ключ? Зачем?

Алексей из кухни добрался до прихожей первым, пересек холл, взялся за входную дверь и обнаружил, что она открыта. Какой тогда смысл стучать? Кто-то чужой?

Пума, нисколько не заботясь о чистоте лап, хотя была воспитана в строгом соблюдении правила – сначала в ванную, потом в дом – ворвалась в помещение и истошно завопила. За ней в дверь протиснулся сосед, владелец соседнего коттеджа, лысоватый дядька, чиновник городской администрации. На руках у него трясся от холода и испуганно моргал глазками крошечный мопс.

– Перед вашим домом кто-то лежит, – сообщил мужик, – я гулял со своей, – он кивнул на малышку, – слышу, собака громко лает и бежит вокруг чего-то. Подошел, а там женщина. На земле. Ничком. Посмотрите, вдруг кто-то из ваших? У вас же гости?

В этот момент в прихожей показался Аркадий.

– Что-то случилось? – поинтересовался он, вопросительно глядя на соседа.

– Вроде перед домом кто-то лежит, – объяснил Алексей, – это же перед домом, да?

Сосед кивнул.

– Пойдем посмотрим, – бросил Аркадий и снял с вешалки куртку.

Алексей поплелся за ним.

Аппетитные кулинарные ароматы, тепло обжитого уютного дома, ненавязчивая джазовая музыка – все мгновенно растворилось в темноте холодного, промозглого октябрьского вечера.

Мужчины подошли к калитке, перед ней действительно что-то виднелось: нечто ярко-розовое на фоне земли. Пума бесновалась и завывала.

– Это Наташина собачья курточка, – оцепенело произнес Алексей, она в ней всегда с Пумой гуляет.

Аркадий решительно наклонился к лежащей на земле женщине и осторожно перевернул ее лицом вверх. Света из ярко освещенных окон было достаточно, чтобы различить даже веснушки на ослепительно-белой коже. И понять, что капюшон курточки залит кровью.

– О боже! – истерически взвыл Алексей. – Полька! Это моя Полька! Надо срочно «Скорую»!

– Боюсь, для «Скорой» уже поздно, – мрачно заметил Аркадий, поднимаясь на ноги, – ее убили выстрелом в голову.

Алексей замер и, казалось, окаменел. Его словно парализовало, он не мог ни говорить, ни двигаться.

– Ее нельзя трогать до приезда полиции, – сказал Аркадий.

– Ей холодно, она не может лежать здесь, в темноте. Одна. Как она будет здесь?

Аркадию потребовалось некоторое время и определенные усилия, чтобы увести родственника в дом. Он обещал ему, что останется ждать полицейских рядом с Полиной, но через несколько секунд у калитки появился потрясенный Рома.

– Нет! Нет! Нет! – кричал он, давась слезами, и Аркадию пришлось переключиться на него.

Потом Романа, конечно, кое-как увели домой, дали ему коньяку и чаю, он затих, но его вид пугал еще больше.

Алексей никак не мог выйти из ступора, не выпил ни глотка из предложенных ему напитков, смотрел в пустоту и только периодически беззвучно шевелил губами.

Аркадий лихорадочно куда-то звонил, чего-то требовал, кого-то просил о помощи и к глубокой ночи добился наконец обещания, что дело будет передано лучшему следователю из всех возможных.

Женщины все это время были сбиты в кучку, Роберт поил их кого – успокоительными, кого – коньяком. Сам он был пьян уже к десяти вечера. Не рассчитал дозу, безопасную при стрессе.

Прибыла полиция, ждали следователя, которого выхлопотал Аркаша, но тот появился только ранним утром.

Глава 2

Сережа скорее приполз, чем пришел домой около половины одиннадцатого вечера, голодный и измочаленный до последней степени.

– Фантик, ты один меня ждал, мой мальчик, – ответил он на приветственное мяуканье большого дымчатого кота-подростка, который смотрел полным надежды взглядом.

Фантик подтвердил предположение еще более убедительным мяуканьем.

– Неужели твоя мамаша тебя не покормила?

Фантик сел на попу и потупил взгляд своих небесно-голубых глаз.

– Безобразие! – продолжал возмущаться Сережа, пока снимал куртку и вешал ее на вешалку, чтобы просушилась не в шкафу. – Маленький котенок умирает с голоду, я, кстати, тоже, и никому до этого нет дела. Вот так к нам относятся в этом доме.

Эскапада, впрочем, не возымела действия, никто не отозвался, и Сережа, удивленно подняв брови, вошел в комнату.

– Ничего себе, – заявил он, – Феофан, ты куда дел мамашу?

В квартире было тихо и пусто. Не работал телевизор, не горел верхний свет.

Сережа прошел по коридору, добрал до спальни и понял, что Ксюша заснула спонтанно. На прикроватной тумбочке горела настольная лампа, на груди у нее покоилась раскрытая книга.

– Вот, значит, как, – протянул Сергей, – одни работают, другие спят. Гражданка Кондрашова, не желаете ли покормить служивого человека, честно исполнявшего свой долг в течение весьма долгого рабочего дня?

Тут Ксения, конечно, проснулась, открыла глаза, но не сразу сообразила, какое время суток застало ее врасплох.

– Ты пришел? А я ждала-ждала и заснула... Прощения просим. Я сейчас.

Ксюша вскочила, чмокнула Сережу в щеку и заспешила на кухню.

Из холодильника она извлекла большую тарелку и прокомментировала ее содержимое:

– Холодный цыпленок-корнишон с чесноком, – пояснила она, – могу разогреть, но холодный он круче.

– Мне надо что покруче, – отрезал Сережа и взглянул на распластанного на блюде цыпленка голодными глазами, – ты даже не представляешь, какие блюда бывают на свете. Я сегодня такое ел, что тебе и во сне не приснится. Ой! Совсем забыл! Я же одну котлетку Фантику украл. Не украл, конечно, угостили.

Сережа сбегал в прихожую и вернулся со своим портфелем, из которого извлек маленький контейнер.

– Тебе не дам, это Фантику, – предупредил он.

– погоди, – запротестовала Ксюша, – значит, ты ел, теперь Фантик поест, а я, значит, изгой в этой семье? Что за жлобство? Дай хоть попробовать.

– Так и быть, – согласился Сережа, – попробуй.

Ксения выложила рыбную котлетку из контейнера и отломилась с помощью вилки небольшой кусочек. Фантик, почуяв запах, уже орал благим матом, нарезая круги и изображая несчастного кота, которого никто и никогда в жизни ничем не кормил.

– Это что-то потрясающее, – не веря в реальность поглощаемого, сказала Ксюша, – я такого никогда не ела. Это просто неприлично вкусно.

– Имей совесть, дай кусок ребенку! У него уже глаза на лоб вылезают! Ты слышишь, как он орет?

Фантик действительно разрывался, казалось, еще секунда и он заплачет по-человечески.

Сережа протянул ему кусочек рыбы и немедленно отдернул руку.

– Ты рукой закусить решил, паразит? Вот так приноси тебе лакомства!

Фантик мгновенно проглотил деликатес и снова уставился на Сережу. Фаршированная рыба ему сильно понравилась, он съел всю котлетку, долго не мог поверить, что она кончилась и другой взять негде. Осознав, что продолжения банкета не будет, Феофан, он же Фантик, гордо удалился, запрыгнул на диван и стал неистово облизываться и мыть мордочку.

– Новое дело? – спросила Ксюша, наливая Сергею виски в стакан. – Расслабься. Расскажи, если есть что.

– Новое дело, да. Девочку убили. Так жалко ее. Рыженькая, хорошенькая, в таких веселых конопушках. Двадцать три года всего. Не могу понять. Ну кому помешала-то? Чем? Малышка ведь совсем, безобидная совершенно. И все ее любили вроде бы.

– Раз убили, значит, не все...

– Дай доесть-допить, потом расскажу.

Сергей поужинал, увлек Ксению на диван, устроился с ней поудобнее.

Еще совсем недавно они считали себя чужими людьми. Когда-то в студенческую пору они были безумно друг в друга влюблены и даже чуть-чуть не поженились, но в самый последний момент историческое событие сорвалось. Они снова встретились, когда у Ксении, успешного адвоката и дочери председателя районного суда Кондрашова, погиб сводный брат, сын судьи от второго брака. Сережа расследовал это дело, Ксения помогала ему, и поиск истины неожиданно сблизил их. Заставил понять, что они по-прежнему являются родными людьми. Даже гораздо более близкими, чем раньше. Котенок Феофан (в миру Фантик) исправно выполнял роль сводника, добиваясь полной семьи. И сейчас он устроился посерединке, всем своим видом показывая, что его покой теперь нарушать нельзя.

– Странное какое-то дело, – задумчиво произнес Сережа, – я сегодня пробыл у них с раннего утра до самого вечера, но далеко не все понял. Если вообще что-нибудь понял. Семья вроде бы дружная, но есть свои противоречия, есть подводные вулканы. Где они рванут, откуда? Вопросов много.

Сережа вкратце рассказал то, что узнал о семействе Долгих и поводе, по которому они собрались. Охарактеризовать их отношения с гостями пока не спешил, боялся ошибиться.

– Я допрашивал их целый день, и вот что мне бросилось в глаза. Девочку некому и не за что было убивать. Понимаешь? Девочку все любили. Брат убит горем. Застыл как соляной столб, разговаривать с ним трудно. Не притворяется, это точно, он как парализованный. Другие члены семьи говорят, что он любил младшую сестру безумно. Помогал ей во всем.

– И остальные в семье тоже?

– Так я ж говорю, по рассказам, она лапушка была.

– А чем занималась эта девочка?

– У нее была своя фотостудия, всякие там фотосессии делала на заказ, рекламу, оформление интернет-продукта, – объяснил Сережа, – талантливая, хорошая девочка. Жалко ужасно. И совсем не понятно, кому она могла помешать.

– Но ты сказал, у нее был жених? А он что?

– Тоже вроде хороший мальчик, – пожал плечами Сережа, – специалист по компьютерной графике. Говорят, неплохой специалист. Работал с невестой вместе, брали заказы на оформление интернет-рекламы, и вроде как хорошо получалось у них. Даже муниципальные заказы имели.

– Странно все это. Когда девчонке двадцать три года, легче всего предположить преступление страсти. Она ж не наследница арабских шейхов? Не шантажистка?

– Не наследница, это точно. Насчет шантажа пока ничего не знаю, хотя род деятельности у нее не тот, чтобы такая версия среди первых приходила на ум. Вот преступление страсти – это еще хоть как-то можно предположить. Может, она изменяла своему жениху, может, имела серьезный роман с кем-то? А может, наоборот – закрутила интригу и разорвала ее ввиду гря-

дущей свадьбы? И тогда под подозрением будет и будущий муж, и его возможный соперник. Разбираться надо.

– И у всех, кто был в доме, небось алиби железные?

– Алиби как раз ни у кого нет. Вроде как они собрались за столом наслаждаться этой самой фаршированной рыбой. Само собой, выпили, поболтали. По ходу дела первую партию рыбы съели подчистую. Тогда хозяин дома пошел закладывать в казаны вторую партию, а гости разбрелись кто куда. Побыли еще немного вместе и как-то незаметно разошлись.

– Ты хочешь сказать, что эту волшебную рыбу делал тот мужик, брат жертвы? – воскликнула Ксения.

– Именно так, – подтвердил Сергей.

– А ты не успел узнать, он с женой разводиться не собирается?

– А что?

– А то я бы хотела познакомиться.

– Я тебе познакомлюсь...

Сережа захватил подругу в удушающий прием, она засмеялась, заколотила его по спине. Фантик проснулся, недовольно и укоризненно посмотрел на дерущуюся парочку, шикнул для порядка и перевернулся на другой бок.

– Не буду тебе больше ничего рассказывать, – подвел итог Сергей, высвобождаясь, – раз ты не способна делать правильных выводов.

– Я постараюсь, – заверила его Ксения.

У них были разные специальности и разные профессиональные задачи, но они, несмотря на это, удивительно понимали друг друга. Может быть, именно поэтому за время своей разлуки никто из них не нашел себе другой достойной пары. Ксения ни на ком не могла сосредоточиться, потому что не любила подпускать к себе слишком близко посторонних людей. А не став близким, мужчина так и оставался чужим, на которого жалко было тратить время. Сергею с женщинами, которые хоть немного уступали в уме Ксении Кондрашовой, было откровенно скучно. Он пытался кого-то заинтересовать, но, чтобы хоть что-то получилось, нужно было как минимум заинтересоваться самому. Он пытался, не получалось. Так и вышло, что Сергей Николаевич Винник, будучи следователем по призванию, а не только по должности и званию, которое в свои годы, кстати, имел весьма значительное, был покорен женщиной-адвокатом с профессиональными интересами, не совпадающими с его собственными. Ксюша от этих противоречий отмахивалась.

– Какая разница? – говорила она, когда они порой обсуждали свои профессиональные противоречия. – Следователь, судья, прокурор, адвокат... Все мы служим одной цели: чтобы правосудие было объективным и справедливым.

– Но тебе-то как раз хорошо, чтобы преступник вообще избежал наказания. Только такой вариант будет твоей безоговорочной победой.

– Сережик, если ты, как следователь, хорошо поработаешь, – парировала она, – а мой папа, как судья, вынесет вердикт, строго следующий букве закона, то преступник – если он действительно преступник – не останется безнаказанным. Я лишь обеспечу соблюдение его прав и меру наказания, которая будет адекватна совершенному преступлению. Справедливость и правосудие – это коллективный труд. И если каждый на своем месте будет работать без халтуры и в строгом соответствии с законом, справедливое правосудие обеспечено. Разве нет?

– Адвокаты берут деньги не за справедливость, а за выгодный для клиента результат.

– Следователи тоже порой берут деньги за то же самое. И прокуроры, и даже судьи. Так что ж, мы будем ориентироваться на взяточников? Они есть во всех сферах, не думаю, что это для тебя секрет. И не думаю, что человеческие пороки нужно делать ориентирами. С ними приходится жить как с неизбежным злом, но заранее делать их частью устоявшихся правил

все-таки не стоит. Их надо ограничивать, а не признавать и укладывать в рамки существующей системы.

Сережа с Ксенией соглашался. Он любил с ней спорить, не меньше любил и соглашаться, потому что эти разговоры давали возможность поразмышлять о профессии, о юридической этике, обо всем том, чем он интересовался по-настоящему. Ему было с ней легко и уютно, они понимали друг друга.

– Что-то в этом убийстве мне не нравится, – подытожил Сережа, – что-то в нем не так, только я пока не могу понять, что именно.

– Ну, во-первых, еще не хватало, чтобы тебе нравились убийства! – отозвалась Ксюша. – А во-вторых, девушку убили вот только что, просто еще слишком рано, чтобы сформулировать какую-то версию.

– Думаешь? То есть я еще не совсем отупел? Просто мало информации...

– Конечно, ты же следователь, а не ясновидец. Давай пить чай.

Ксюша всегда могла найти нужные слова.

После чая Сережа опять запросил виски, и Ксения присоединилась к нему. Уютное тиканье часов, спящий под боком котенок, удобный диван и умная, заинтересованная беседа с близким человеком – он был по-настоящему счастлив.

– У жениха нет мотива, – решительно заявил Винник, – вроде бы на поверхности только один он, потому что у остальных-то нет не только мотива, но даже и намек на него. А тут, если порыться, может, и можно что-то накопить. Его любовницу, например, ее любовника... Но все равно это нелепость какая-то! Если изменил он, то девчонку-то за что убивать? Ушел себе, да и всех дел. Если она изменила, другое дело, но тогда мог бы задушить, что ли, избить до полусмерти, из окна выкинуть. Что-нибудь спонтанное, понимаешь? Приревновал и зарезал, допустим. К чему изображать любящего жениха? Ехать с ней на праздник и там стрелять из пистолета, который, кстати, еще надо где-то раздобыть. К чему такие сложности?

– Ну, например, к тому, чтобы следователь задался именно этими вопросами.

– Думаешь, он решил таким образом себя обезопасить? Но ведь он все равно первый подозреваемый. Смысл?

Ксюша пожала плечами.

– Чужая душа – потемки, я же не знаю, что это за парень, на что он способен. Измена и ревность – это серьезный мотив, но здесь как-то на это не очень похоже.

– Вот именно, – воскликнул Сергей, – вот именно! Убить человека не так легко, на это еще решиться надо, надо иметь очень вескую причину преодолеть в себе какой-то рубеж. Тем более если речь о близком человеке. Любишь ты его или вчера любил, но решиться на такое можно только под влиянием сильнейшего чувства. Вот ты смогла бы меня хладнокровно убить?

Ксюша задумалась, отпила глоточек.

– Если ты будешь украдкой продолжать кормить Фантика со стола, то я не исключаю такого варианта развития событий, – серьезно сказал она.

– Но это ты воспитала котенка патологическим побирушкой! Я бы ему ничего не давал, если бы он не попрошайничал и не смотрел на меня своими голубыми глазами. Так что не снимай ответственности с себя. Я с тобой серьезно...

– И я тоже, – сказала Ксюша и засмеялась.

– Угрозы должностному лицу при исполнении, гражданочка, это вам не шутки, – рыкнул Сережа.

– Ты не при исполнении, – парировала Ксюша.

– Что значит не при исполнении? Я всегда при исполнении, у меня ненормированный рабочий день. Вот так.

Ксюша хихикнула, скинула халатик и побежала в спальню, более чем ясно давая понять, чем прямо сейчас и закончится ненормированный рабочий день. Сережа не стал сопротивляться.

Сергей Николаевич Винник считал подгон объективной информации под удобную для следствия версию методом, неприемлемым не только с точки зрения качества следствия, но и унижительным лично для себя. В этом было что-то от шулерства, и он считал, что так работают только явные взяточники или неоспоримые дураки, неспособные установить правду и совершенно непригодные для такой работы.

Как ни привлекательно выглядел в качестве подозреваемого жених жертвы Роман Жолудев, вцепляться в него мертвой хваткой Винник не собирался, пока для того не появятся веские причины. А пока ни у кого из присутствовавших на дне рождения не было видимых мотивов для убийства.

Оперативники опрашивали всех, кто был в доме, на предмет нахождения в тот промежуток времени, когда было совершено убийство. С момента, когда Полину Долгих видели в последний раз, и до прихода соседа с плохими известиями прошло каких-то полчаса или сорок минут, если учесть, что в той ситуации вряд ли кто смотрел на часы и фиксировал время.

И вначале Сергей Николаевич порадовался, что это облегчит ему задачу. Но не тут-то было. Все-таки это был момент, когда все чувствовали себя расслабленно, никто не следил за временем. Да и друг за другом тоже не следили, если уж на то пошло. Вошел человек в гостиную, вышел из нее... Кто бы стал обращать на это внимание? Ведь никто не готовился к трагическому повороту событий. Если старший брат хозяйки дома, большой московский человек, говорил, что ему позвонили по телефону и пришлось подняться в свою комнату в поисках уединения, ему приходилось верить. Хотя он охотно подтвердил свои слова, предъявив телефон: там действительно были отражены вызов и время разговора.

Все совпадало. Даже то, что персона, совершившая звонок, была настолько значительна, что с нею не стоило разговаривать в присутствии членов веселой компании. Его жена Алла после ужина немного покрутилась в гостиной, где угостилась парой рюмок текилы вместе с именинницей. Затем обе они прошли в спальню Натальи Борисовны, чтобы еще раз примерить шубу. И чтобы Аллочка смогла как следует разглядеть комплект с бриллиантами, подаренный имениннице мужем. Елена, жена Роберта, к ним не присоединилась и как-то очень путано объяснила, где она находилась в течение отрезка времени, интересующего следствие. Заходила на кухню, смотрела на рыб в аквариуме, читала журнал в маленькой гостиной, подальше от всех. Роберт, ее муж, удалился в библиотеку – небольшой кабинет со стеллажами книг – и копался в изданиях, пока в доме не начался шум. Роман Жолудев показал, что испачкал брюки вином и уходил в свою комнату переодеваться.

Вроде бы все были, но никто не мог подтвердить ничьего алиби. Разве что хозяйка дома Наталья Борисовна провела какое-то время вместе с Аллой, женой своего брата, но сколько в точности они были вместе, никто, конечно, не помнит. На часы не смотрели, время не засекали. Вокруг местоположения участников банкета можно было ходить не просто часами – днями и неделями, но результат, как предчувствовал Винник, не изменится. Он сейчас нулевой и останется нулевым, пока не будет найден мотив. А вот тогда уже... придет время сопоставлений.

Однако сопоставлять тоже было нечего. Роман Жолудев, 29 лет, уже несколько лет работает дизайнером компьютерной графики в типографии государственного университета. Полина, как перспективный и действительно талантливый фотохудожник, также часто сотрудничала с типографией и работала в паре с Ромой. Опера притащила следователю роскошное подарочное издание о городских храмах, заказчиком которого была областная епархия, книгу о реконструкции исторического памятника, который превратили в новую онкологическую поликлинику, сборник о легендарных хирургах, который медицинская академия заказала в уни-

верситетской типографии, так как их собственная имела малые возможности. Работая в паре, ребята постепенно приобретали репутацию, а пока она приобреталась, зарабатывали на оригинальных фотосессиях, сотрудничали с двумя бьюти-агентствами. В общем, работы у них хватало, заработки, видимо, тоже стали появляться. Во всяком случае, парочка довольно дорого и стильно обустроила небольшую квартиру, которую купил обожаемой младшей сестричке Алексей Долгих.

Брат действительно любил девчонку, тряся над ней, все опрошенные в один голос говорили о том, что она заменяла ему ребенка, которого в семье Долгих, по непонятным причинам, не было. Сходным образом относилась к девочке и жена Долгих, Наталья Борисовна. Делала подарки: эксклюзивную парфюмерию и косметику, одежду, обувь, бижутерию. Все не копеечное, все от известных брендов. На день рождения семья старшего брата подарила Полине машину, новенькую маленькую «Тойоту».

Нет, в этой семье трещин не было: над милой, трудолюбивой, ласковой девочкой чуть ли не дрожали ее родственники. Тем более что Полина была совершенно неконфликтным и немеркантильным человеком, витала в эмпиреях своего творчества. Все свободное от работы время читала книжки, писала маленькие рассказы, надеясь когда-нибудь в будущем их издать, слушала музыку и готовилась к свадьбе, которую предполагалось устроить весной следующего года. Хорошенькая, нежная, милая девочка. Не слишком общительная, больше погруженная в себя и в свою семью, она не могла никому помешать.

У Винника в голове не помещалась мысль о том, что кто-то мог желать смерти этому невинному и совершенно безобидному существу.

– Роман Алексеевич, еще раз постарайтесь вспомнить, что необычного происходило в вашей с Полиной жизни в последнее время? – Винник оторвался от протокола и посмотрел допрашиваемому прямо в глаза. – Может быть, Полина рассказывала о какой-то нестандартной ситуации, а вы просто не придали этому значения?

Роман пожал плечами.

– Я думал, думал... всю голову сломал, – раздраженно отвечал Роман, как будто учителю приходилось в сотый раз объяснять туповатому ученику простой предмет, – не было у нее ни любовника, ни страстной интрижки, ничего такого. На это нужно как минимум иметь время. А она почти всегда была у меня на глазах. Когда бы она успевала, я себе просто не представляю.

– Вы очень узко воспринимаете мой вопрос, – продолжал следовательно, – я не имею в виду, что Полина обязательно изменяла вам или завела интригу на стороне. Но ведь мог быть какой-то тайный поклонник или что-то в этом роде. Кто-то, кого она отвергла, и он не смирился с этим фактом. Или кто-то из ее прошлого.

Роман поморщился.

– Вообще-то все это так на нее не похоже... Она была другая, понимаете? Она никогда бы не стала увеличивать себе губы, она никогда не надела бы на пляже купальник, в котором трусики – это стринги, понимаете? Это был не ее стиль. Я не хочу сказать, что Поля была синим чулком или что-то в этом роде, нет. Она была очень чувственная, любила жизнь и секс любила, но он не был для нее целью. Она не была просто самкой, ей в первую очередь важны были чувства. И работа... Понимаете. Она открыла для себя фотографию, когда училась на третьем курсе, и постепенно стала понимать, что это не просто увлечение, это творчество, которое, кстати, вполне можно сделать делом жизни. И она была жутко счастлива, когда осознала, что то, что она любит делать, можно сделать профессией. Что необходимость зарабатывать не входит в противоречие с тем, что она любит делать, что ей по-настоящему нравится.

– Все это помогает нам составить портрет Полины, но нам ведь важно не только это. Нам важно установить возможный мотив, который понудил кого-то пожелать убить ее. Рассказ о ее светлых мечтах и устремлениях важен, но сейчас нам следует помнить о том, что среди всего

внешнего благополучия кроется некая неприятная тайна. Возможно, она неприятна для вас, я не знаю.

– Вы думаете, я ее убил? – ошарашенно вскинулся Роман. – Вы серьезно так считаете?

– Я следователь, а не хиромант. Я не могу гадать, я обязан изучать обстоятельства, свидетельства, доказательства, мотивы, назначать и получать результаты экспертиз, на основании полученных данных делать выводы. Такая вот скучная у меня работа. Если делать ее правильно, не отвлекаясь на эмоции и предположения, есть очень большой шанс выявить убийцу. Зачем я говорю вам такие прописные истины? Вы же взрослый уравновешенный человек, не истеричная барышня. Давайте не тратить время и пытаться выявить обстоятельства, которые могли быть скрыты от поверхностного взгляда. Полина никогда не жаловалась вам на наличие некоего неадекватного поклонника? Который мог ее преследовать?

– Нет, – решительно отмел такую возможность Роман, – если бы такое было, она мне обязательно сказала бы, мы были не просто любовниками, мы были настоящими друзьями. Она не стала бы скрывать.

– Ну, может, она боялась вашей реакции? Например, что вы броситесь ее защищать и подвергнете себя опасности. Или она просто стеснялась, не хотела, чтобы вы подумали, будто она набивает себе цену...

– Может, но вряд ли. Я же рассказал ей об... ну, в общем, об одной мадам, которая меня довела до белого каления. Я Польке все рассказывал, она была в ужасе, и я точно помню, что тогда говорила, что, мол, счастлива, что в ее жизни такого не случилось.

– А вот это уже интересно, – воспрял Винник, – что это за такая особа, которая не давала вам проходу? Будьте добры, поподробнее.

– Да это не имеет отношения... просто дама одна...

– Что имеет отношение, а что не имеет отношения, я буду решать сам, вас же прошу ответить на мои вопросы. О какой именно женщине идет речь и что за отношения вас с ней связывали?

Было видно, что Роман пожалел о том, что проговорился, однако выхода не было: крайне неохотно, но он все же начал рассказывать.

Учась на четвертом курсе математического факультета, он в компании познакомился с одной аспиранткой, Викторией Мазур. Девушка была эффектная, ее трудно было не заметить: яркая блондинка, обладательница сформированной в фитнес-центрах идеальной фигуры, она для начала поражала своей походкой. Потом уже мужчины обращали внимание на все остальное. Броская была девушка, Роман не отрицал. Сказал, что поначалу он даже удивился, почему она обратила внимание именно на него. В его понимании столь высокопрофессиональные охотницы тратят свои ресурсы исключительно на крупную дичь. Переспали пару раз, потанцевали, покуролесили в кругу общих знакомых. Роман думал, что на том дело и закончится, но неожиданно Виктория стала рваться продолжать отношения. Еще пару раз переспали. Еще покуролесили, еще потанцевали. Роману стало надоедать. Девушка была яркая, но глупая. Хоть и аспирантка. Или даже не глупая, но было в ней что-то мещанское, примитивное, фальшивое. И броская внешность стала Роману приедаться, надоедать. Через пару месяцев знакомства, когда он уже устал от своей подруги, она без всякого предупреждения заявила в его квартиру, где он жил с матушкой, с чемоданом. Радостная, она с порога заявила, что будет обо всех заботиться, готовить супы, мыть пол и вообще. Она ожидала ответного восторга, но его не последовало. Ночь она провела в квартире – не гнать же на мороз девушку без всяких объяснений, но поговорить все-таки пришлось, и Рома, не понимающий, почему должен юлить и извиваться, честно сказал Вике, что пока не любит ее и вообще не готов к таким серьезным отношениям. Дальше был кошмар. Сначала она прикинулась беременной, потом умирающей от последствий аборта, потом якобы окунулась в тяжелую депрессию. На самом деле ее нестерпимо, жгуче

мучил вопрос: как посмел этот «не поймешь кто», как она называла Рому на людях, пренебречь высокой честью, которую она ему оказала.

Ответа не было. Рома стал бегать от Вики и в буквальном смысле переходил на другую сторону улицы, когда ее видел. Роман считал, что, если они перестанут пересекаться, рано или поздно неудачное приключение ею будет забыто, возникнет какое-то новое. Но он плохо знал свою случайную любовницу. Викторию понесло. То она распускала по университету гнусные слухи, то приходила пьяная просить прощения и клясться в любви. Она устраивала каверзы и настраивала окружающих Романа людей против него, пока вся эта глупая кампания не навредила ей самой и один весьма уважаемый преподаватель, бывший в курсе событий, прилюдно не сказал о том, что женщина, которая не может смириться с равнодушием мужчины, добьется только одного: отвадит от себя всех мужчин вообще.

Когда в жизни Романа появилась Полина, катаклизм с Викой находился в стадии ремиссии. Но стоило ему начать появляться с девушкой повсюду, бывшая пассия снова пришла в бешенство. Роман даже вынужден был решиться на серьезный разговор с ней, хотя и очень того не хотел.

– Вика, дело ведь не в том, что ты какая-то не такая, что ты недостаточно хороша, – спокойно увещевал он бывшую подругу, – ты красавица. Ты умная и эффектная девушка, просто мы не подошли друг другу. Никто в этом не виноват, ни ты, ни я. Так случается, в этом нет ничего трагического.

– Ты не дал нам шанса проверить, насколько мы могли бы подойти друг другу. Ты чего-то испугался. Чего? Ответственности? Или просто мне в чем-то не соответствовать?

– Все проще. Просто нет любви. От меня это не зависит. Ее просто нет, и все.

– Но я тебе не копеечная шлюха, чтобы мог меня вот так выкинуть! – завелась тогда Вика.

– Я тебя не выкидывал. Ты не вещь. И никто бы не узнал о том, какое ты придаешь этому значение, если бы ты сама не устроила из всего этого спектакль с множеством зрителей. Но мое терпение кончилось. Напоследок я тебе скажу, что лучше бы ты была копеечной шлюхой. По крайней мере, шлюха бы сделала свою работу и больше не приставала.

В общем, все закончилось довольно плохо, но вскоре Поля настолько увлекла Романа своей красотой, очарованием, жадой жизни, познанием нового дела, что о Вике он попросту забыл, не до нее стало.

Следователь тщательно записывал рассказ Романа Жолудева и, когда остановился, вдруг спросил:

– И вам не приходило в голову, что это может быть дело рук вашей бывшей приятельницы?

– Нет, – отрицательно помотал головой Рома, – я, если честно, вообще забыл о ней. Да и что бы ей дало убийство Полинки? Что оно могло бы изменить лично для нее?

– Люди, ослепленные ревностью или жадой мести, часто совершают иррациональные поступки, – заметил Винник, – прочтите, правильно ли записано.

После допроса Рома брел по улице, глотая холодный воздух, в котором витала мелкая дождевая пыль, и думал о том, не могла ли действительно полоумная баба замыслить нечто страшное? Иррациональные поступки... она как раз и была абсолютно иррациональной, неспособной воспринимать объективную действительность такой, какова она есть.

А Сергей Николаевич Винник в это время отдавал распоряжение операм немедленно проверить алиби Виктории Альбертовны Мазур, работающей на такой-то кафедре и проживающей по такому-то адресу. И кроме того, установить, есть ли в настоящий момент в ее круге общения лица, хорошо знакомые с Романом Жолудевым, и не мог ли кому-то из них Роман Жолудев сообщить о том, где собирается провести пятничный вечер.

По пути домой, предвкушая приятный вечер с Ксюшей и Фантиком, Сергей думал, что дама, о которой случайно (но случайно ли?) вспомнил Роман Жолудев, выглядит вполне перспективной.

Психопатка, помешанная на мести бросившему ее любовнику, версия на первый взгляд сладкая, прелесть, а не версия. И все же что-то в ней было не так. Полину Долгих застрелили из пистолета, по первому предположению экспертов, снабженного глушителем. Такой способ убийства никак не назовешь спонтанным. Не может быть, чтобы человек, случайно получивший информацию о том, где будет находиться в определенный момент интересующий его субъект, вмиг раздобыл оружие. Да еще и приличная ученая университетская дама. Заранее о своих планах на месяц вперед Роман вряд ли распространялся, хотя бы потому, что и сам мог о них не знать или не помнить. Если он кому и сказал, что поедет на выходные в гости в поселок Тихие Липки, то у этого кого-то еще должно было остаться хоть какое-то время предупредить об этом Викторию Мазур. А у последней, в свою очередь, успеть до обозначенного срока приобрести оружие. Как-то все это слишком сложно.

Сережа поморщился, недовольный тем, как сокрушительно разваливается такая привлекательная на первый взгляд версия. В следующую секунду он окончательно добил ее новым вопросом: откуда убийца, если это все-таки была Виктория Мазур, могла быть уверена, что Полина выйдет из дому гулять с собакой? А если бы с собакой пошла гулять хозяйка? Или Алла, которая обожала Пуму и пользовалась любым случаем пообщаться с ней? Откуда Вика, в конце концов, могла знать, что хозяин будет занят на кухне фаршированной рыбой и не пойдет с собакой сам? С Пумой мог выйти кто угодно, все члены семьи обожали ее, а сама псина любила гулять с гостями, потому как они не проявляли к ней строгости и она не обязана была соблюдать дисциплину. И что тогда? Виктория так и стояла бы под дождем с пистолетом наготове, без малейшего представления о том, когда появится предполагаемая жертва и появится ли вообще? О том, чтобы убивать ее на глазах у публики, вряд ли могла идти речь. Все это было из рук вон плохо и никуда не годилось.

Сережа припарковался у супермаркета, изучая в телефоне список того, что Ксюша поручила ему купить, и внезапно его пронзил острый, голодный желудочный спазм.

Он огляделся по сторонам, ища причину внезапного приступа, и сразу понял, в чем дело: на углу наконец-то открыли новую шашлычную, анонс этого события висел на фасаде жилого дома уже пару недель. Сережа обожал шашлык, но редко его ел, поскольку хорошая свинина стала дефицитом, а промышленную он не признавал. Но из нового заведения так одурающе вкусно пахло! Такой аромат не мог исходить от плохого мяса.

Сережа пошел на запах. За прилавком его встретил улыбающийся армянин, который очень обиделся, когда его свинину заподозрили в промышленном происхождении.

– Мы антибиотики не жарим, мы мясо жарим! – весело сообщил он, переворачивая шампур румяной стороной вверх.

Сережа почувствовал, что долго так не выдержит.

– Ксю, – выпалил он, едва Ксения взяла трубку, – я не сильно оскорблю твое нежное гастрономическое воспитание, если предложу сегодня не готовить, а поесть горяченького шашлыка? У нас тут рядом с супермаркетом шашлычная открылась. Так пахнет, что у меня уже голова кружится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.